

Бестселлер «Нью-Йорк таймс»

Исповедь экономического убийцы

Джон Перкинс

Джон Перкинс

Исповедь экономического убийцы

«Претекст»

2004

УДК 351.746.1: 33-051 (73) (093.3)
ББК 67.401.213+65.5 П 27

Перкинс Д.

Исповедь экономического убийцы / Д. Перкинс — «Претекст»,
2004

ISBN 978-5-98995-097-3

Книга Джона Перкинса – первый в мире автобиографический рассказ о жизни, подготовке и методах работы особой сверхзасекреченной группы «экономических убийц», профессионалов высочайшего уровня, призванных работать с высшими политическими и экономическими лидерами интересующих США стран мира. Их задача – поработать целые страны и народы, навязывая мегапроекты-ловушки, якобы обеспечивающие ускорение развития, а на деле оборачивающиеся включением некогда суверенных государств в состав новой глобальной империи. В книге-исповеди, ставшей в США и Европе бестселлером, Джон Перкинс раскрывает тайные пружины мировой экономической политики, объясняет странные «совпадения» и «случайности» недавнего времени, круто изменившие нашу жизнь. Книга предназначена для широкого круга читателей, которых интересуют животрепещущие проблемы современного мира.

УДК 351.746.1: 33-051 (73) (093.3)

ББК 67.401.213+65.5 П 27

ISBN 978-5-98995-097-3

© Перкинс Д., 2004

© Претекст, 2004

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
Пролог	13
Часть I: 1963-1971	17
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Перкинс

Исповедь экономического убийцы

John Perkins

CONFESSIONS OF AN ECONOMIC HIT MAN

Berrett-Koehler Publishers, Inc.
San Francisco

Автор предисловия и научный редактор русского издания Валерий Никишкин, профессор, заслуженный работник науки и образования РАЕ, член Подкомитета по маркетингу ТПП РФ

Перевод кандидата филологических наук М.А. Богомоловой
10-е издание, стереотипное

Книга впервые была опубликована Berrett-Koehler Publishers, Inc., San Francisco, CA, USA. Все права защищены.

Переводчик – Мария Богомолова

© John Perkins, 2004 © Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2004

Предисловие к русскому изданию

Люди всегда были и всегда будут жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов.

В.И. Ленин

Одним из самых значительных событий последних десятилетий стало вовлечение в международную рыночную экономику многих стран, раньше практически изолированных от остального мира, – стран советского блока, Китая, Индии и др. После развала СССР началось формирование «однополярного» мира, в котором сегодня пытается господствовать одна глобальная империя. Однако весь ход мирового развития показывает, что это господство крайне неустойчиво и порождает много противоречий. Всевозможные способы контроля третьего мира и воздействия на него со стороны развитых стран становятся все разнообразнее и приобретают более изощренные формы. Это приводит к тому, что у этих стран даже возникла необходимость в подготовке особых специалистов для реализации этих агрессивных стратегий – так называемых «экономических убийц».

К таким «таинственным» специалистам и относится автор этой книги, Джон Перкинс. Разочаровавшись в истинных результатах и последствиях своей деятельности, автор раскрывает тайные механизмы работы «экономических убийц». Задача этих «киллеров от экономики» – защищать интересы активно формирующегося союза правительства США, банков и корпораций, которые автор именует «корпоратократией», под видом борьбы с экономической отсталостью развивающихся стран. Этих элитных специалистов учат использовать международные финансовые организации для создания таких условий, при которых страны третьего мира оказываются фактически во власти корпоратократии, цель которой – установление господства над всей планетой.

Прикрываясь идеями экономического роста, корпоратократия присваивает себе право определять, по какому пути идти другим народам, чтобы добиться благополучия, но на самом деле она преследует при этом свои корыстные интересы. По сути, это современный вариант колониальной системы: развитые страны, не имея достаточных ресурсов, эксплуатируют слабые, которые располагают ими. Объектом внимания «экономических убийц» становятся, прежде всего, те государства, которые имеют стратегическое значение для завоевания этого господства. Деятельность «убийц» предусматривает не только навязывание кредитов, но и разработку специальных стратегий для стран, не нуждающихся во внешних заимствованиях, чтобы воспользоваться их финансовыми ресурсами в своих целях.

Эта система предполагает взаимодействие, прежде всего, с коррумпированными лидерами развивающихся стран, которые становятся проводниками коммерческих интересов корпоратократии, попадая в долговую зависимость от нее. В результате и без того тяжелое положение развивающихся стран усугубляется еще больше, увеличивая пропасть между ними и развитыми странами. Автор отмечает, что расходы развитых стран на достижение их «приоритетных» интересов непропорционально огромны, в то время как на планете каждый день 24 тысячи человек умирают от голода. Например, половины той суммы, которую США потратили на войну в Ираке (около \$87 млрд) хватило бы для обеспечения всех нуждающихся на планете чистой водой, пищей и медицинской помощью. Все это в конечном итоге приводит к дестабилизации обстановки в мире, способствуя возникновению и поддержке терроризма.

Экспансия сложившейся системы исходит из того, что предлагаемые модели экономического роста несут благо всему человечеству. Однако на самом деле западные ценности не явля-

ются универсальными, ведь практика показывает, что те страны, которым их уже навязали, очень часто оказываются в проигрыше. В действительности выходит так, что самые богатые общества – не самые счастливые. Реальные примеры многих стран показывают, что навязанное использование концепции экономического роста приводит к обогащению только незначительной части населения, большинство же попадает в еще более тяжелое положение, причем пропасть между бедными и богатыми только увеличивается.

Осознание проблем взаимоотношений развитых стран и стран третьего мира – это начало пути к исправлению ситуации, что еще возможно. Пока еще есть шансы у здоровых сил объединиться, чтобы противостоять негативным процессам. Для этого и необходимо широкое обсуждение отрицательных сторон глобализации. Автор отмечает, что сложившаяся ситуация только доказывает необходимость формирования нового миропорядка и осознания того, что прогресс человечества не может основываться на доминировании «экономизма», ограничиваясь только экономическим ростом. Должны обязательно учитываться и другие ценности. Необходимо ориентироваться на достижение баланса экономических и духовных ценностей.

Эта книга поможет российскому читателю понять происходящее в мировой экономике и осознать, что помощь западных стран зачастую далеко не бескорыстна. Поскольку сегодня Россия еще не до конца интегрирована в мировую систему, мы можем более критически взглянуть на эти интеграционные процессы и объективно оценить их негативные стороны, для того чтобы поддержать те позитивные силы, которые им будут противостоять. Усиливающееся осознание единства мира показывает, что возможно только консолидированное движение вперед, поскольку возникновение проблем у одной страны в перспективе негативно отражается на всех. Особенно ярко это проявилось в процессе развития глобального финансового кризиса.

Данная книга адресована не только специалистам в мировой экономике, но и всем людям, которым не безразлично наше будущее. Причем, надо помнить (а это тоже показал кризис), что глобальные потрясения не обязательно развиваются долго и медленно. Историческая близорукость, благодушное, обывательское мнение, что от меня ничего не зависит, довольно опасны. Жизнь постоянно подтверждает, что на самом деле наше будущее зависит от всех и каждого.

*Валерий Никишкин,
профессор, заслуженный работник
науки и образования РАН,
член Подкомитета по маркетингу
Торгово-промышленной палаты РФ*

Предисловие

Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ.

Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием «Совесть экономического убийцы». В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Ролдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панамы. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против союза глав корпораций, правительств и банков, цель которого – создание глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Ролдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода – направленные ЦРУ «шакалы», которые всегда подстраховывали наши действия.

Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих 20 лет я четыре раза брался за нее снова. К этому меня подталкивало какое-нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году¹, первая война в Персидском заливе², события в Сомали³, появление Усамы бен-Ладена⁴. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться.

В 2003 году президент крупного издательства, которым владеет влиятельная международная корпорация, прочитал черновик того, что впоследствии превратилось в книгу «Исповедь экономического убийцы». По его словам, это была «захватывающая история, которую следует рассказать». Затем, печально улыбнувшись и покачав головой, он сообщил мне, что не возьмет на себя смелость опубликовать эту книгу, поскольку его начальству в международной штаб-квартире это может не понравиться. Он посоветовал написать на основе книги художественное произведение. «Мы могли бы продавать твои книги, если бы ты выступил как романист – подобно Джону Ле Карре или Грэму Грину».

Но эта книга – не художественное произведение. Это реальная история моей жизни. Более смелый издатель, независимый от международной корпорации, согласился помочь мне рассказать ее.

Эта история *должна быть* рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса – и невероятных возможностей. История конкретного экономического убийцы – это история о том, как мы докатились до такого положения и почему столкнулись с кризисом, который кажется

¹ Военная интервенция США в Панаму 20 декабря 1989 года с целью изменения политического режима. – Прим. ред.

² Война между Ираком и многонациональными силами во главе с США за освобождение и восстановление независимости Кувейта. – Прим. ред.

³ Операция «Возрождение надежды» (1992 год) – высадка американских войск на территории Сомали с целью вмешательства в гражданскую войну. – Прим. ред.

⁴ Усама бен Ладен – лидер исламской террористической организации «Аль-Каида». Признан террористом № 1 в США и других странах. – Прим. ред.

нам непреодолимым. Эта история должна быть рассказана еще и потому, что только осознание ошибок, совершенных в прошлом, поможет нам использовать во благо возможности, которые открываются в будущем; потому что произошли события 11 сентября, потому что началась вторая война в Ираке, потому что помимо трех тысяч, погибших от рук террористов 11 сентября 2001 года, еще 24 тысячи умерли от голода. Фактически 24 тысячи человек гибнут каждый день от голода, не имея возможностей для поддержания жизненных сил¹. Но самое главное – она должна быть рассказана потому, что впервые за всю историю человечества изменить все это способно одно государство, имеющее и достаточные возможности, и средства, и власть. Это государство, в котором я родился и которому служил в качестве ЭУ, – Соединенные Штаты Америки.

И все-таки что же заставило меня забыть о взятках и угрозах?

Коротко можно ответить так. Моя единственная дочь, Джессика, окончив колледж, вступила в самостоятельную жизнь. Когда не так давно я сообщил ей, что собираюсь написать эту книгу, и поделился своими опасениями, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если до тебя доберутся, я продолжу с того места, где ты остановишься. Мы должны сделать это для твоих будущих внуков, которых я надеюсь когда-нибудь тебе подарить».

Более развернутый ответ на этот вопрос включает и преданность стране, в которой я вырос; и верность идеалам, сформулированным отцами-основателями нашего государства; и моими обязательствами по отношению к Америке, которая сегодня обещает «жизнь, свободу и возможность счастья» для всех людей и повсюду; и моим решением после 11 сентября не сидеть сложа руки, наблюдая, как ЭУ превращают республику в глобальную империю. Это – скелет моего подробного ответа, кровь и плоть которого читатель найдет в последующих главах.

Это реальная история. Я прожил каждую ее минуту. Все описанное мною – это часть моей жизни. Хотя рассказ ведется обо мне, он все же предстает в контексте глобальных событий, которые повлияли на нашу историю, приведя нас туда, где мы сегодня находимся, и заложили основы будущего наших детей. Я старался максимально точно отразить все события, описать действующих лиц и передать разговоры. Рассуждая об исторических событиях или воссоздавая диалоги, я пользовался несколькими источниками: уже опубликованными документами; своими записями; воспоминаниями – как собственными, так и других участников этих событий; рукописями пяти других своих книг; историческими отчетами разных авторов, особенно недавно опубликованными и содержащими ранее засекреченную или закрытую по тем или иным соображениям информацию. Система ссылок позволяет заинтересовавшимся читателям более подробно разобраться в том или ином вопросе.

Мой издатель спросил, действительно ли мы называли друг друга экономическими убийцами. Я заверил, что так оно и было, хотя преимущественно использовалась аббревиатура ЭУ. В 1971 году, когда я начал работать со своим преподавателем Клодин, она предупредила меня: «Моя задача – сделать из вас экономического убийцу. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена». Потом сказала серьезно: «Если вы принимаете решение этим заниматься, то будете заниматься этим всю жизнь». Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто ЭУ.

Роль Клодин – это прекрасный пример манипулирования, лежащего в основе того бизнеса, частицей которого я стал. Красивая, умная, она всегда знала, чего хотела, и добивалась этого; она находила мои слабые точки и использовала их с максимальной пользой для себя. Сам характер ее обязанностей и то, как она их исполняла, наглядно показывают, какие изощренные люди стояли за этой системой.

Клодин не стеснялась в выражениях, описывая то, что мне придется делать. Моя работа, говорила она, будет заключаться в «подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они всемерно способствовали продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов.

В конце концов, эти лидеры оказываются в долговой яме, которая и обеспечивает их лояльность. При необходимости мы сможем использовать их в своих политических, экономических или военных целях. В свою очередь, они укрепляют собственное политическое положение, поскольку дают своим народам технопарки, электростанции и аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми».

Сегодня мы видим, что результаты этой системы вышли из-под контроля. Руководители наших самых уважаемых корпораций нанимают людей на мизерные зарплаты для работы в нечеловеческих условиях на производствах где-нибудь в Азии. Нефтяные компании бездумно сливают отраву в протекающие через ливневые леса реки, по сути, осознанно убивая людей, животных и растения, совершая геноцид в отношении древнейших культур. Фармацевтические предприятия лишают миллионы ВИЧ-инфицированных африканцев доступа к жизненно необходимым им лекарствам. В наших родных Соединенных Штатах 12 миллионов семей не знают, будет ли у них завтра еда². Энергетическая промышленность породила Enron⁵. Финансовая индустрия дала нам Arthur Andersen – американскую консалтинговую компанию, которая была обвинена в соучастии в фальсификации отчетности обанкротившейся Enron⁶. Соотношение доли душевого дохода $\frac{1}{5}$ населения мира в наиболее развитых странах к доле $\frac{1}{5}$ в беднейших странах взмыло от 30 к 1 в 1960 году до 74 к 1 в 1995 году³. США тратят более 87 миллиардов долларов на войну в Ираке, тогда как, согласно подсчетам ООН, для обеспечения чистой водой, питанием, медицинской помощью и базовым образованием всех и каждого на планете требуется меньше половины этой суммы⁴.

И после этого мы удивляемся, почему на нас нападают террористы?

Кое-кто может сказать, что причина проблем – тщательно организованный заговор. Ах, если бы все было так просто! Заговорщиков можно было бы выявить и предать суду. Нынешняя система зиждется, однако, на вещах более опасных, чем заговор. Ею правит не умысел малочисленной кучки людей, а непререкаемая, как Евангелие, вера в то, что экономический рост несет благо всему человечеству, а чем выше этот рост, тем больше выигрывают все люди. Из этого кредо вытекает следующее: тот, кто высекает благословенную искру экономического роста, должен быть возвышен и вознагражден; стоящий же в стороне подлежит эксплуатации.

Конечно, эта концепция неверна. Мы знаем, что во многих странах экономический рост приносит пользу только небольшой части населения, при этом часто ставя большинство в чрезвычайно тяжелое положение. Такая ситуация подкрепляется проистекающим отсюда общепринятым мнением, что промышленные магнаты, управляющие этой системой, должны обладать особым статусом. Это мнение обусловило многие наши нынешние беды, и, возможно, именно оно стало одной из причин такого распространения теории заговора. Когда в людях поощряется жадность, она становится главным мотиватором разложения. Когда мы оправдываем безоглядное пожирание ресурсов планеты; когда учим наших детей подражать людям, ведущим неумеренный образ жизни; когда считаем, что большие группы населения земного шара подчинены элитарному меньшинству, – мы сами напрашиваемся на неприятности. И получаем их.

В своем стремлении к глобальной империи корпорации, банки и правительства (совокупно называемые «корпоратократией») используют свои финансовые и политические силы для того, чтобы наши школы, фирмы и средства массовой информации исповедовали то же кредо со всеми вытекающими выводами и логическими продолжениями. Они уже подвели нас к точке, в которой вся наша мировая культура превратилась в чудовищную машину, непрестанно пожирающую все больше топлива и нуждающуюся во все усложняющемся обслужива-

⁵ Enron Corporation – американская энергетическая корпорация, обанкротившаяся в 2001 году в связи с подозрениями в финансовых махинациях и укрывании реальных прибылей. – *Прим. ред.*

⁶ Arthur Andersen – американская консалтинговая компания, которая была обвинена в соучастии в фальсификации отчетности обанкротившейся Enron. – *Прим. ред.*

нии. В конце концов, она истребит все вокруг и, не имея другого выбора, начнет пожирать самое себя. Корпоратократия – это не заговор, однако основные действующие лица в обоих случаях исповедуют одинаковые ценности и связаны общими целями. Одна из наиболее важных функций корпоратократии – постоянное расширение и укрепление системы. Жизнь тех, кому она «удалась», их реквизит – дома, яхты, частные самолеты – преподносится нам как образец для подражания, чтобы вдохновить нас всех на потребление, потребление и потребление. Любыми средствами нас стараются убедить в том, что покупать вещи – это наш гражданский долг, что разграбление природных богатств полезно для экономики и, следовательно, служит нашим высшим интересам. Такие люди, как я, получают возмутительно высокие зарплаты за то, что выполняют приказы системы. Если мы ошибаемся, в дело вступают наши страшные двойники, «шакалы». А если и «шакал» ошибается, тогда за работу берутся военные.

Эта книга – исповедь человека, который был одним из немногих ЭУ. Сейчас таких людей стало больше. Названия их должностей ласкают слух. Они ходят по коридорам Monsanto, General Electric, Nike, General Motors, Wal-Mart и многих других крупнейших мировых корпораций. На самом деле «Исповедь экономического убийцы» – книга не только обо мне, но и о них.

Эта книга и о тебе, читатель, о твоём и моём мире, о первой поистине глобальной империи. История подсказывает: если мы не изменим ход повествования, оно закончится трагически. Империи не живут вечно. У всех империй был трагический конец. Стремясь к расширению своих владений, они уничтожают многие культуры, а потом сами приходят в упадок. Ни одна страна или союз нескольких стран не могут бесконечно процветать за счёт эксплуатации других.

Эта книга была написана для того, чтобы мы задумались и изменили свою жизнь. Я уверен, что чем больше людей осознают, как их эксплуатирует экономический механизм, который возбуждает неутолимую потребность в природных ресурсах и в результате создаёт системы, возвращающие рабство, тем меньше они будут терпеть это. Тогда мы пересмотрим свою роль в этом мире, где единицы купаются в роскоши, а большинство задыхается в нищете, грязи и насилии. Тогда мы посвятим себя поискам пути к состраданию, демократии и социальной справедливости для всех.

Осознание проблемы есть первый шаг к её решению. Признание греха есть путь к его искуплению. И пусть эта книга станет началом пути к нашему спасению. Пусть она поднимет нас на новые ступени сознательности и поможет воплощению мечты о гармоничном и достойном уважения обществе.

Эта книга не была бы создана без многих людей, с которыми меня свела жизнь и о которых я буду писать дальше. Я благодарен им за опыт и преподанные мне уроки.

Я также признателен людям, благодаря которым рискнул рассказать эту историю: Стефану Рехтштаффену, Биллу и Линн Твист, Энн Кемп, Арт Роффи, а также многим участникам поездок и семинаров «Dream Change», в частности моим помощникам по проекту Иву Брюсу, Линн Робертс-Херрик, Мэри Тендалл и моей замечательной, удивительной жене и коллеге в течение вот уже 25 лет Уинифред и нашей дочери Джессике.

Я благодарен многим людям, которые предоставили мне информацию о многонациональных банках, международных корпорациях и политических перипетиях в различных странах мира. Особая благодарность – Майклу Бен-Эли, Сабрине Болоньи, Хуану Габриэлю Карраско, Джеми Грант, Линн Робертс, Полу Шоу и некоторым другим (они знают, кого я имею в виду).

Глава издательства Berett-Koehler Стивен Пиерзанте не только взял на себя смелость принять книгу к изданию, но также, будучи великолепным редактором, не жалея времени помогал мне работать над ней.

Я приношу глубочайшую благодарность Стивену и Ричарду Перлу, а также Нове Браун, Рэнди Фиат, Алену Джонсу, Крису Ли, Дженнифер Лисс, Лаури Реллочауд и Дженни Уильямс за критические замечания; Дэвиду Кортену, который не только прочитал и сделал замечания, но и заставил меня доработать рукопись до заданных им стандартов; Полу Федорко, моему агенту; Валери Брюстер, изрядно потрудившейся над дизайном английского издания, Тодду Манца, моему редактору, знатоку слова и выдающемуся философу.

Особая благодарность – Дживану Сивасубрама-ньяну из Berett-Koehler, и Кену Лупоффу, Риду Уилсону, Марии Жезуш Агило, Пату Андерсону, Марине Кук, Майклу Кроули, Робину Доновану, Кристену Францу, Тиффани Ли, Катерин Ленгронн, Диане Платнер – сотрудникам ВК, которые поняли, что пришла пора пробудить сознание, и неустанно работают, чтобы сделать этот мир лучше.

Я благодарю всех, кто работал со мной в MAIN, не зная о том, что помогают ЭУ в формировании глобальной империи. Особая благодарность моим подчиненным, а также коллегам, с которыми пережито много прекрасных мгновений в наших поездках в дальние страны.

Я благодарю издателя Эхуда Сперлинга и его сотрудников из Inner Traditions Internationals, выпускавших мои книги о местных культурах и шаманизме, и друзей, которые помогли мне стать писателем.

Я благодарен людям, приглашавшим меня в свои жилища в джунглях, пустынях, горах, в картонные домики вдоль каналов в Джакарте, в трущобы во многих городах всего мира: они делились со мной историями своей жизни и стали для меня величайшим источником вдохновения.

*Джон Перкинс,
Палм-Бич-Гарденс.
Август 2004*

Пролог

Кито, столица Эквадора, распростерся в долине вулканического происхождения в Андах на высоте девять тысяч футов. Жителей города, основанного задолго до открытия Колумбом Америки, не удивляют снежные шапки на окружающих их горных вершинах, хотя они живут всего лишь в нескольких милях к югу от экватора.

Городок Шелл, пограничный аванпост и военная база, построенный в джунглях Амазонки для обслуживания нефтяной компании, в честь которой он и был назван, расположился почти на восемь тысяч футов ниже, чем Кито. Душный город, в котором живут в основном солдаты, рабочие-нефтяники, а также местные жители из племен шуар и кечуа, занимающиеся проституцией и неквалифицированным трудом.

Дорога, связывающая два города, одновременно и захватывающая, и мучительная. Во время поездки вы побываете во всех временах года за один день.

Много раз проезжая по этой дороге, я не уставал любоваться живописными видами. С одной стороны дороги поднимаются крутые утесы, прошитые каскадами водопадов и украшенные яркими бромелиями – родственниками ананасов. С другой стороны земля вертикально проваливается в ущелье, по которому течет река Пастаса. Она берет начало в ледниках Котопакси, одного из самых высоких в мире действующих вулканов, который древние инки считали божеством, и впадает в Атлантический океан в трех тысячах миль отсюда.

В 2003 году я выехал из Кито в Шелл с заданием, подобного которому не получал никогда раньше. Я надеялся положить конец войне, которую сам когда-то помог развязать. Мы, ЭУ, несем ответственность за очень многие вещи и, в частности, за локальные войны, о которых никто не знает за пределами самих воюющих стран. Я должен был встретиться с шуарами, кечуа, их соседями ачуарами, сапаро и шивиарами – племенами, которые намеревались не допустить нефтяные компании на свои земли, не дать им разрушить свои дома и семьи, даже если бы для этого им всем пришлось погибнуть. Для них это была война за жизнь собственных детей, за будущее своей культуры, тогда как мы воевали за власть, деньги и природные ресурсы. Для нас это была борьба за мировое господство и воплощение мечты горстки алчных людей – создание глобальной империи¹.

Это то, что у нас, ЭУ, получается лучше всего – глобальная империя. Мы представляем собой элитную группу мужчин и женщин, использующих всемирные финансовые организации для создания таких условий, при которых другие народы вынуждены подчиниться корпоратократии, управляющей нашими крупнейшими компаниями, нашим правительством и банками. Как и члены мафиозных группировок, ЭУ «делают одолжения». Такие одолжения принимают форму займов для развития инфраструктуры: предприятий электроэнергетики, скоростных магистралей, портов, аэропортов, технопарков. Условием предоставления займа является то, что работы по этим проектам выполняют строительные и инженерные фирмы только из нашей страны. Фактически большая часть средств так и не выходит за пределы США: деньги просто переводятся из банковских организаций в Вашингтоне в строительные организации в Нью-Йорке, Хьюстоне или Сан-Франциско.

Несмотря на то что деньги практически немедленно возвращаются в корпорации (то есть к кредиторам), страна, получающая займ, обязана выплатить его с процентами. Если ЭУ превосходно справился со своим заданием, займы будут настолько велики, что должник уже через несколько лет не сможет выплачивать долг и окажется в ситуации дефолта. И вот тогда, подобно мафии, мы требуем себе шейлоковского «фунта живой плоти». Таковой часто состоит из одной или нескольких позиций: страна должна голосовать по нашей указке в ООН, позволить разместить наши военные базы и допустить к драгоценным природным ресурсам, например к нефти

или к Панамскому каналу. Конечно, при этом должник по-прежнему остается должником – и вот еще одна страна вошла в нашу глобальную империю.

В тот солнечный день 2003 года, продвигаясь от Кито к Шеллу, я вспоминал, как 35 лет назад впервые приехал сюда. Мне было известно, что в Эквадоре, равном по площади штату Невада, более 30 действующих вулканов, около 15 процентов всех известных видов птиц, 1000 еще не нашедших места в ботанических классификациях растений. Кроме того, это страна многочисленных культур, где по-испански говорят столько же людей, сколько на древних местных языках. Я был тогда очарован экзотикой, однако на ум приходили совсем другие слова: «чистая», «нетронутая», «невинная».

За 35 лет многое изменилось. В 1968 году Техасо только-только обнаружила нефть в долине эквадорской Амазонки. Сегодня она составляет почти половину экспорта страны. Через трансандский нефтепровод, построенный вскоре после моего первого визита, в хрупкую экосистему ливневых лесов уже вытекло более полумиллиона баррелей нефти – это вдвое больше, чем было пролито⁷ Еххон Валдез². Сегодня ЭУ строят новый нефтепровод протяженностью 300 миль и стоимостью 1,3 миллиарда долларов³. Организованный для этого консорциум обещает сделать Эквадор одним из десяти мировых поставщиков нефти в США. Погибли ливневые леса на огромных территориях, исчезли попугаи и ягуары, три культуры Эквадора поставлены на край гибели, чистейшие реки превратились в сточные каналы.

Примерно в тот же период местные племена начали оказывать сопротивление. Например, 7 мая 2003 года группа американских адвокатов, представлявших более 30 тысяч коренных эквадорцев, подала иск на миллиард долларов против ChevronTexaco Corp., который в 1971–1992 годы сливал на землю и в реки ежедневно около 4 миллионов галлонов токсичной промышленной воды, содержащей нефть, тяжелые металлы и канцерогены. Кроме того, компания оставила незакрытые могильники с отходами, которые продолжают убивать все живое⁴.

Из окна «Subaru» я вижу огромные клубы тумана, зарождающегося в лесах и поднимающегося по каньонам Пастасы. Рубашка взмокла от пота, живот подвело, но не только от тропической жары и извилистой горной дороги. Это была расплата за ту роль, которую я сыграл в разорении страны. Из-за моего коллеги, ЭУ, и меня Эквадор теперь стал значительно хуже, чем до знакомства с чудесами современной экономики, банковского дела и техники. С 1970 года за период, который называли «нефтяным бумом», официальный уровень нищеты вырос с 50 до 70 процентов, безработицы – с 15 до 70 процентов, а государственный долг – с 240 миллионов долларов до 16 миллиардов. За это же время доля природных ресурсов, выделенных для беднейших слоев населения, уменьшилась с 20 до 6 процентов⁵.

К сожалению, Эквадор не исключение. Почти все страны, которые усилиями ЭУ были подтянуты под зонтик глобальной империи, имели схожую участь⁶. Долг стран третьего мира вырос более чем до 2,5 триллионов долларов, стоимость его обслуживания – до 375 миллиардов в год по состоянию на 2004 год. Это больше, чем тратят все страны третьего мира на здравоохранение и образование, и в 20 раз больше того, что развивающиеся страны получают ежегодно в качестве экономической помощи. Почти половина населения мира живет менее чем на два доллара в день, примерно как и в начале семидесятых. В то же время от 70 до 90 процентов частного капитала и недвижимости в странах третьего мира принадлежат одному проценту семей этих стран; более точные показатели зависят от конкретной страны⁷.

Сбросив скорость, «Subaru» пробирался по улочкам красивого курортного городка Баньос. Он известен своими горячими источниками, образованными подводными вулканическими реками, которые стекают с действующего вулкана Монте-Тунгурагуа. Рядом с маши-

⁷ 24 марта 1989 года нефтяной танкер Еххон Валдез потерпел крушение у побережья Аляски, в результате чего около 260 тыс. баррелей нефти вылилось в море. – *Прим. ред.*

ной бежали дети, пытаясь продать нам жевательную резинку и печенье. Но вот Баньос остался позади. Живописные виды внезапно кончились: «Subagu», выехав из рая, попал в современный вариант дантова ада.

Из реки поднимался гигантский монстр – огромная серая стена. Этот мокрый цемент со стекающими с него каплями выглядел совершенно противоестественно на фоне окружающего ландшафта. Конечно, меня не должна была удивлять эта стена. Я всегда знал, что она вот-вот выскочит из засады. Я видел ее много раз и в прошлом превозносил как символ свершений ЭУ. И тем не менее мурашки побежали у меня по спине.

Ужасная стена была дамбой, которая перегораживает реку Пастаса, отводит ее воды через огромные тоннели, пробитые в горе, и превращает энергию реки в электричество. Эта 156-мегаваттная Агоянская гидроэлектростанция, питающая промышленность, благодаря которой процветает горстка эквадорских семей, стала причиной немых страданий для фермеров и местных жителей, обитающих по берегам реки. Гидроэлектростанция – один из многих проектов, осуществленных усилиями ЭУ, в том числе и моими. Подобные проекты и втянули Эквадор в глобальную империю. Из-за них же шуары и кечуа объявили войну нашим нефтяным компаниям.

Из-за проектов ЭУ Эквадор погряз в иностранных долгах и вынужден тратить на их выплату огромную часть бюджета, вместо того чтобы помогать миллионам своих граждан, официально находящихся за чертой бедности. Единственная возможность Эквадора снизить международный долг – продать ливневые леса нефтяным компаниям. Конечно, ЭУ обратили свои взоры на Эквадор в первую очередь из-за нефтяного моря под долиной Амазонки, которое якобы сопоставимо по объемам с нефтяными запасами на Ближнем Востоке⁸. Глобальная империя требует своего «фунта живой плоти» в виде нефтяных концессий.

Эта потребность стала особенно острой после событий 11 сентября 2001 года, когда Вашингтон начал опасаться, что поток ближневосточной нефти может быть перекрыт. К тому же в Венесуэле, третьей по величине стране – поставщике нефти, на президентских выборах победил популист Уго Чавес. Он сразу же выступил против того, что называл «империализмом

США», угрожая прекратить продажу нефти Соединенным Штатам. ЭУ провалились в Ираке и Венесуэле, но зато преуспели в Эквадоре; теперь мы будем доить его до последней капли.

Эквадор – типичный пример страны, которую ЭУ загнали в политико-экономическую ловушку. Из каждой сотни долларов, извлекаемых в виде нефти из ливневых лесов Эквадора, нефтяные компании забирают 75. Три четверти из оставшихся 25 долларов идут на оплату внешнего долга. Из того, что остается, большая часть расходуется на армию и правительство. Здравоохранение, образование и программы поддержки беднейшего населения получают лишь около двух с половиной долларов⁹. Таким образом, из каждой сотни долларов, получаемых в виде нефти в долине Амазонки, менее трех долларов достается людям, более остальных нуждающимся в деньгах, тем, чьи жизни были перевернуты дамбами, бурением, нефтепроводами, тем, кто умирает от недостатка пищи и питьевой воды.

Все эти люди, а их миллионы в Эквадоре и миллиарды во всем мире, – потенциальные террористы. Не потому, что они верят в коммунизм, анархизм или являются воплощением зла, а просто потому, что их охватило отчаяние. Глядя на эту плотину, я подумал – и подобное часто случалось со мной во многих других местах мира, – когда же эти люди перейдут к действиям, как американцы, выступившие против англичан в 1770-е, или латиноамериканцы, боровшиеся против Испании в начале 1800-х?

Изошренность этой современной глобальной империи заставила бы устыдиться римских центурионов, испанских конкистадоров и европейских колонизаторов XVIII–XIX веков. Мы, ЭУ, действуем умело; мы выучили уроки истории. Сегодня мы не держим в руках меч. Мы не носим латы или одежду, которая выделяла бы нас среди других. В таких странах, как Эквадор,

Нигерия и Индонезия, мы одеваемся так же, как местные учителя или владельцы магазинов. В Вашингтоне или Париже мы похожи на чиновников или банкиров. Мы выглядим, как обычные люди. Нас можно увидеть на строительных площадках и в обнищавших деревнях. Мы говорим об альтруизме и рассказываем в местных газетах о том, какие чудесные гуманитарные проекты осуществляем. На длинных столах в комнатах совещаний правительственных комитетов мы раскладываем свои таблицы с выводами и финансовыми расчетами, мы читаем лекции в Гарвардской школе бизнеса о чудесах макроэкономики. Мы открыты, мы подотчетны. Или представляем себя таковыми и так же воспринимаемся. Такова система. Мы редко обращаемся к каким-либо незаконным средствам, потому что сама система построена на хитрости, а система, по определению, легитимна.

Однако – и это очень важное предостережение, – если мы не справляемся со своей задачей, в дело вступают представители более зловещей породы, которых мы, ЭУ, называем «шакалами». Их история начиналась еще в ранних империях. «Шакалы» всегда на месте, хотя их и не видно. Но стоит им выйти из тени, как происходит свержение глав государств или их внезапная гибель в ужасных «дорожных происшествиях»¹⁰. А если и «шакалы» не могут выполнить свою задачу, как это произошло в Ираке и Афганистане, тогда идут в ход старые методы. Туда, где не справились шакалы, посылают американскую молодежь – убивать и умирать.

Проезжая мимо этого монстра, гигантской стены из серого бетона, выступающей из воды, я почувствовал, как взмок от пота и как напряглись нервы. Я направлялся в джунгли на встречу с местными жителями, готовыми сражаться до последней капли крови, чтобы остановить наступление империи, которую я помогал создавать. Меня захлестывало чувство вины. Как, спрашивал я себя, милый мальчик из сельского Нью-Гемпшира мог вляпаться в такой грязный бизнес?

Часть I: 1963-1971

Глава 1

Рождение экономического убийцы

Все началось вполне невинно.

Я родился в 1945 году. Единственный ребенок в семье, относящейся к нижнему слою среднего класса. Мои родители происходили из семей, предки которых три века назад обосновались в Новой Англии. Несколько поколений предков-пуритан дали себя знать в строгих, моралистических взглядах обоих родителей. Они оба первыми в своих семьях получили образование в колледже – за счет государственных стипендий. Моя мать стала преподавателем латыни в старших классах. Мой отец участвовал во второй мировой войне. Лейтенант военноморских сил, он командовал оружейным расчетом на танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере в Нью-Гемпшире, он лечил перелом бедра в техасском госпитале. Я увидел его только тогда, когда мне уже исполнился год.

Отец стал преподавать языки в школе Тилтон, интернате для мальчиков в сельском Нью-Гемпшире. Здание интерната располагалось на холме, гордо – некоторые говорили «высокомерно» – возвышаясь над городом-тезкой. Набор в это привилегированное учебное заведение был ограничен 50 местами в каждом классе, с девятого по двенадцатый. Ученики были в основном отпрысками состоятельных семей из Буэнос-Айреса,

Каракаса, Бостона и Нью-Йорка. В семье не хватало денег, однако мы ни в коем случае не считали себя бедными. Хотя зарплата школьных учителей была весьма скромной, многое мы получали бесплатно: еду, жилье, отопление, воду, услуги рабочих, косивших газон и убиравших снег. Начиная с четвертого года жизни я питался в столовой подготовительной школы, подавал мячи в футбольной команде, в которой отец был тренером, и выдавал полотенца в раздевалке.

Учителя и их жены свысока относились к местным жителям. Я много раз слышал, как мои родители в шутку говорили, что они лорды в поместье, управляющие крестьянами, – имелись в виду обитатели городка. Я знал, что это не просто шутка.

Когда я учился в начальных и средних классах, моими друзьями были ребята из очень бедных крестьянских семей. Их родители – чернорабочие, трудившиеся на фермах и мельницах, и лесорубы – пренебрежительно относились к «приголовишкам на горе».

В свою очередь, и мои родители не поощряли общения с городскими девчонками, называя их «шлюхами» и «потаскушками». С первого класса я дружил с этими девочками, мы обменивались книгами и мелками; со временем я по очереди влюбился в трех из них: Энн, Присциллу и Джуди. Мне было очень трудно принять точку зрения своих родителей, тем не менее я подчинился их воле.

Каждый год мы проводили летний трехмесячный отпуск отца в коттедже на берегу озера. Его построил мой дед в 1921 году. Дом стоял в лесу, поэтому по ночам до нас доносились крики совы и рык горных львов. У нас не было соседей. Я был единственным ребенком на всю округу. Мне представлялось, что деревья вокруг – это рыцари Круглого стола и прекрасные дамы, которых я от тоски называл в разные годы Энн, Присцилла или Джуди. Мои чувства, без сомнения, ничуть не уступали страсти Ланцелота к Гинебре и были даже еще более потаенными.

В 14 лет я получил право на бесплатное обучение в школе Тилтон. Под давлением родителей я порвал все нити, связывавшие меня с городком, и больше уже никогда не видел своих

старых друзей. Когда мои новые одноклассники разъезжались на каникулы в свои особняки и пентхаузы, я оставался в школе один. Их подружки были «дебютантками» – дочерьми из родовитых семей. У меня вообще не было подружек. Все мои знакомые девочки были «потаскушками». Я прекратил общение с ними, и они забыли обо мне. Я остался один, что очень огорчало меня.

Мои родители были мастерами манипуляции. Они уверяли меня, что учиться в этой школе – большая честь; со временем я пойму это и буду им благодарен. Я найду прекрасную жену, отвечающую высоким моральным принципам нашей семьи. Внутри я кипел. Я жаждал общения с противоположным полом, и мысль о «потаскушке» была в высшей степени соблазнительной.

Однако вместо того чтобы восстать, я подавил свое негодование. Мое недовольство нашло выражение в стремлении стать лучшим во всем. Я был отличником, капитаном двух школьных команд, редактором школьной газеты. Я был полон решимости выделиться среди своих богатых одноклассников и навсегда оставить школу Тилтон. В выпускном классе мне предложили полную спортивную стипендию для получения образования в Брауне, а также академическую стипендию для обучения в Миддлбери. Я выбрал Браун, прежде всего, потому, что мне нравилось заниматься спортом, а также потому, что он находился в городе. Моя мать окончила

Миддлбери, отец получил там степень магистра, поэтому родители предпочли Миддлбери, хотя Браун и входил в «Лигу плюща»⁸.

– А если ты сломаешь ногу? – спросил отец. – Академическая стипендия лучше.

Я уступил.

В моем понимании Миддлбери был увеличенной копией Тилтона, хотя и находился в Вермонте, а не в Нью-Гемпшире. Да, в нем было совместное обучение. Но я был беден, остальные студенты – богаты. Четыре года я учился в школе с раздельным обучением, где не было ни одной ученицы. Мне не хватало уверенности в себе, и я чувствовал себя жалким отщепенцем. Я умолял отца разрешить мне уйти из колледжа или хотя бы взять годовой отпуск. Мне хотелось уехать в Бостон, где бы я мог больше узнать о жизни и о женщинах. Он даже слушать об этом не хотел.

– Как я смогу готовить учеников к поступлению в колледж, если мой собственный сын не хочет в нем учиться? – спрашивал он.

Я пришел к пониманию, что жизнь есть набор случайных обстоятельств. То, как мы на них реагируем, как мы проявляем свою так называемую свободную волю, – это и есть наша сущность. Выбор, который мы делаем на поворотах судьбы, и определяет, что мы собой представляем. В Миддлбери произошли две случайные встречи, определившие мою судьбу. Одна – с иранцем, сыном генерала, личным советником шаха. Другая – с красивой молодой женщиной по имени Энн.

Иранец, я буду называть его Фархадом, ранее был профессиональным футболистом в Риме. Природа наградила его атлетической статью, черными вьющимися волосами, карими глазами с мягким взглядом. Все это в совокупности с его прошлым и особой харизмой производило неотразимое впечатление на женщин. Во многом он был моей противоположностью. Мне пришлось потрудиться, чтобы завоевать его дружбу. Он научил меня многим вещам, которые впоследствии мнегодились. Кроме того, я познакомился с Энн. И хотя у нее был молодой человек из другого колледжа, она взяла меня под свое крыло. Наши платонические отношения стали моей первой настоящей любовью.

⁸ Лига плюща – ассоциация восьми самых престижных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. – *Прим. ред.*

Общаясь с Фархадом, я начал выпивать, ходить на вечеринки, перестал слушаться родителей. Я сознательно забросил учебу, решив сломать свою «академическую ногу», чтобы отомстить отцу. Оценки ухудшились, меня лишили стипендии. После полутора лет обучения я решил бросить колледж. Отец грозил отречься от меня, Фархад подзадоривал. Я ворвался в кабинет декана и потребовал, чтобы меня отчислили. Это был поворотный момент в моей жизни.

Мы с Фархадом отмечали мой уход из колледжа в местном баре. Пьяный фермер, огромный мужик, решив, что я флиртую с его женой, поднял меня в воздух и швырнул о стену. Фархад бросился на помощь и, выхватив нож, полоснул фермера по щеке. Затем он потащил меня к окну и выпихнул на карниз, высоко нависший над заливом Выдр. Мы оба прыгнули на землю и, пробравшись берегом реки, вернулись в общежитие. На следующее утро, когда меня допрашивал полицейский, я наврал, что ничего не знаю о случившемся. Тем не менее Фархада исключили. Мы оба переехали в Бостон, где вместе сняли квартиру. Я нашел работу персонального помощника главного редактора в Record American/Sunday Advertiser.

В том же 1965 году нескольких моих коллег по газете призвали в армию. Для того чтобы не попасть под призыв, я поступил в Бостонский университетский колледж делового администрирования. К тому времени Энн уже порвала со своим парнем и теперь часто приезжала ко мне из Миддлбери. Мне было приятно ее внимание. Она окончила колледж в 1967 году, мне же еще оставалось год учиться. Энн категорически отказалась переезжать ко мне до того, как мы поженимся. Хотя я и шутил, что меня шантажируют, действительно обижаясь на подобное, на мой взгляд, устаревшее ханжеское отношение, которое напоминало моральные принципы моих родителей, мне нравилось быть с ней вместе и хотелось большего. Мы поженились.

Отец Энн, прекрасный инженер, в свое время изобрел навигационную систему для важного класса ракет, за что получил высокую должность в Военно-морском департаменте. Его лучший друг, которого Энн называла дядей Фрэнком (это вымышленное имя), занимал руководящий пост в высших эшелонах Управления национальной безопасности (УНБ), самой малоизвестной – и, по моим оценкам, самой крупной – шпионской организации в стране.

Вскоре после нашей женитьбы меня как лицо призывного возраста вызвали на медосмотр. Я был признан годным для армейской службы. Передо мной встала перспектива Вьетнама по окончании университета. Сама мысль о том, что придется сражаться в ЮгоВосточной Азии, казалась ужасной, хотя война всегда была притягательна для меня. Я воспитывался на рассказах о своих предках – колонизаторах, среди которых были Томас Пейн и Этан Аллен. В Новой Англии и северной части штата Нью-Йорк я прошел по местам сражений всех войн: войны с индейцами и Войны за независимость. Я прочел все исторические романы, которые смог найти. Когда специальные подразделения американской армии только вошли в Юго-Восточную Азию, я мечтал о том, чтобы меня призвали. Но по мере того как средства массовой информации рассказывали о грубых промахах и непоследовательности американской политики, мое отношение к войне менялось. Я задавал себе вопрос: на чьей стороне был бы Пейн? Уверен, что он присоединился бы к нашим врагам – вьетконговцам.

На помощь пришел дядя Фрэнк. Он сообщил мне, что работа в УНБ дает право на отсрочку от армии, и организовал несколько собеседований в своем управлении, включая целый день изнурительных тестов на полиграфе. Мне сообщили, что все эти собеседования и тесты помогут определить мою пригодность для работы в УНБ и выявить мои сильные и слабые стороны, чтобы подобрать наиболее подходящую работу. Учитывая мое отношение к Вьетнамской войне, я был убежден, что провалю эти тесты.

В ходе собеседований я, будучи лояльным гражданином США, высказался против войны и был поражен тем, что мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах бедного пуританина, выросшего среди обеспеченных одноклассников, которые вкушали все радости

жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях, вызванных отсутствием сексуальных отношений с женщинами и денег, а также о фантазиях, которые они порождали. Меня поразило внимание, с которым они отнеслись к моим отношениям с Фархадом, особенно к эпизоду в баре с полицейскими, которым я не выдал его.

Поначалу я думал, что все эти вещи, на мой взгляд, говорившие о моих недостатках, не позволят принять меня в УНБ. Но собеседования продолжались, а это свидетельствовало об обратном. Только через несколько лет я понял, что для УНБ, мои недостатки были, скорее, достоинствами. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные жизненные обстоятельства. Злость на родителей, одержимость женщинами, стремление к хорошей жизни оказались тем крючком, на который меня можно было зацепить. Мое желание быть первым в учебе и спорте, мой бунт против отца, мое умение ладить с иностранцами, моя готовность лгать полиции – это было как раз то, что они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада сотрудничал с разведкой США в Иране; соответственно, моя дружба с ним была со всей определенностью записана мне в плюс.

Через несколько недель после тестирования в УНБ мне предложили обучаться искусству шпионажа. Занятия должны были начаться спустя несколько месяцев после окончания Бостонского университета. Однако прежде чем официально принять это предложение, я, повинаясь внутреннему порыву, посетил семинар, который проводил в университете рекрутер Корпуса мира. Самым привлекательным моментом было то, что работа в Корпусе мира, как и в УНБ, давала право на отсрочку от армии.

Решение посетить этот семинар, казалось бы, совсем случайное, сыграло важную роль в моей судьбе. Рекрутер рассказал о нескольких районах на земном шаре, где особенно остро требовалась помощь добровольцев. Одним из таких мест были ливневые леса Амазонки, где, по его словам, население вело примерно такой же образ жизни, как коренные жители Северной

Америки до появления европейцев. Я всегда мечтал пожить, как абнаки, населявшие Нью-Гемпшир в те времена, когда там впервые появились мои предки. Я знал, что в моих жилах течет и кровь абнаки. Мне хотелось изучить законы леса, которые так хорошо понимали мои предки. После выступления рекрутера я подошел к нему и поинтересовался возможностью получения назначения на Амазонку. Он говорил, что в этом регионе потребность в добровольцах значительна, поэтому у меня есть великолепные шансы туда попасть. Я позвонил дяде Фрэнку.

К моему удивлению, дядя Фрэнк с одобрением отнесся к моей идее насчет Корпуса мира. Он признался мне, что после падения Ханоя, а в те дни люди его ранга уже не сомневались в этом, Амазонка станет горячим местечком.

– Место напичкано нефтью, – сказал он. – Нам понадобятся там хорошие агенты – люди, умеющие общаться с местными.

Он считал, что Корпус мира станет для меня великолепной школой, настоятельно рекомендуя хорошо изучить испанский язык, а также местные диалекты.

– Возможно, – усмехнулся он, – в конечном итоге ты окажешься в частной фирме, а не на государственной службе.

Тогда я не понял, что он имел в виду. Меня переводили из категории шпионов в ЭУ, хотя в то время я не знал этого термина, о котором слышал только через несколько лет. Я не представлял себе, что сотни людей, мужчин и женщин, во всем мире работают на консалтинговые компании, фирмы и другие частные организации. Эти люди никогда не получали ни пенни от государства и тем не менее служили интересам империи. Не мог я представить себе и того, что количество людей, занимающих еще более благозвучные должности, будет исчисляться тысячами к началу XXI века, а я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Мы с Энн написали заявления о приеме на работу в Корпус мира, попросив направить нас в бассейн Амазонки. Когда мы получили уведомление о приеме на работу, нашему разочарованию не было границ. В письме говорилось, что мы будем работать в Эквадоре.

О нет, подумал я. Я же хотел на Амазонку, а не в Африку. Я стал искать Эквадор в атласе. К моему удивлению, на Африканском континенте его не было, но в указателе я обнаружил, что Эквадор действительно находится в Латинской Америке. На карте было видно, что истоки могучей Амазонки берут свое начало в андских ледниках на территории Эквадора. Далее я узнал, что джунгли Эквадора – самые обширные и труднопроходимые в мире, а местные жители ведут сегодня такой же образ жизни, как и их предки тысячелетиями ранее. Мы приняли это назначение.

Окончив курсы Корпуса мира в Южной Калифорнии, мы в сентябре 1968 года направились в Эквадор и оказались среди людей, образ жизни которых действительно напоминал образ жизни коренного населения Северной Америки до колонизации. В Андах мы работали с потомками инков. Я никогда не думал, что подобные места еще сохранились. Ведь до этого единственными латиноамериканцами, с которыми мне доводилось общаться, были состоятельные ученики в школе, где преподавал отец.

Мне понравились туземцы, жившие охотой и земледелием. Я ощущал странное родство с ними. Каким-то образом они напоминали мне друзей-бедняков из городка моего детства.

Однажды на взлетно-посадочной площадке нашей общины появился человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом Chas. T. Main, Inc. (MAIN), международной консалтинговой фирмы. Эта организация, предпочитавшая оставаться в тени, проводила исследования, намереваясь определить целесообразность выдачи Всемирным банком миллиардного кредита Эквадору и его соседям на строительство гидроэлектростанций и других объектов инфраструктуры. Эйнар, к тому же, был еще и полковником запаса армии США.

Он начал вести со мной разговоры о преимуществах работы в такой организации, как MAIN. Когда я упомянул, что до вступления в Корпус мира меня приняли в УНБ, поэтому мне предстоит вернуться к ним, он сообщил мне, что иногда выступает как их посредник. Он посмотрел на меня так, как будто оценивал мои возможности. Теперь я понимаю: он занимался обновлением моего досье; особенно его интересовала моя способность к выживанию в условиях, которые большинству жителей Северной Америки показались бы враждебными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.